

## ПРОЕКТ ГУМАНИТАРНОГО СЕМИНАРА «ТРИ ВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЛАТВИИ»

Ирина Диманте

### Общий взгляд на русский язык в Латвии

Человек и язык неразделимы: язык не существует вне человека и человек как личность не существует вне языка. В современном мире язык, формируя человека, предопределяет его поведение и образ жизни, его систему ценностей и моральные принципы, его мировоззрение, менталитет и национальный характер. По утверждению В. Гумбольдта, язык стоит между миром и человеком.

Несмотря на то, что Латвия не относится к крупным европейским государствам (по статистическим данным в декабре 2008 года здесь насчитывалось около 2 млн. 260 тыс. жителей), эта страна является многонациональной. Исторически сложилось так, что почти для трети её населения русский язык является родным. Кроме того, это язык общения для русскоговорящего населения, он «свой» для представителей разных национальностей, т. е. не только для местных русских, но и для украинцев, белорусов, поляков, евреев и т. д. Он также звучит в смешанных семьях.

#### ИЗ ИСТОРИИ

Русская речь издавна звучала на территории Латвии. Вначале на ней заговорили русские купцы. Из сохранившихся документов, подтверждающих экономические отношения Русских земель и Риги, самые ранние датируются XIII – XIV веками.

Несмотря на то, что Рига была «немецкой», в ней уже с XIII века существовал особый Русский конец с Русской улицей (сейчас это район в самом центре города – в Старой Риге между улицами Смилшу, Екаба и Трокшня). Там находились торговые склады, церковь и кладбище, а за городской чертой располагалась Русская деревня. В Рижской долговой книге тех давних времён находим около 400 записей, указывающих на сделки с русскими купцами. Среди них есть постоянные жители города, владеющие недвижимостью, а также приехавшие из Пскова, Полоцка, Витебска, Копорья, Суздаля, Режицы (Резекне), Икскюля (Икшкеле), Кукейноса (Кокнесе) и т. д. В госархиве имеется немалое количество грамот XIII – XVII веков, отражающих деловые отношения русского купечества той эпохи.

Ещё в допетровскую эпоху небольшая часть территории Латвии подпала под юрисдикцию России. Во время русско-польской войны в 1654 году полководец Василий Шереметьев захватил латгальские земли. Поэтому составленный в том же году документ на русском (и на польском), известный как «писцовая книга» получил статус административного документа.

В самом начале XVIII века значительная часть латвийской территории вошла в состав Российской империи. По этой причине документы на русском обрели официальный статус государственных и со временем получили широкое распространение. Как правило, они переводились на немецкий, т. е. на язык правящей на латвийской территории элиты того времени. «Осязаемым» тому подтверждением служит *General Reglement für alle Reih's Kollegien und deren Bediente. Mitau, 1796*. Это издание такого государственного акта, как Генеральный Регламент, составленного ещё в 1720 году под руководством Петра Великого, до сих пор хранится в Национальной библиотеке и вполне доступно для интересующихся.

Петровская эпоха, как известно, была отмечена появлением большого числа новой лексики терминологического свойства. Благодаря стараниям российского императора **русский язык, пополняясь заимствованиями и обретая новые перспективы, многократно «разбогател»**. Активно создавалась лексика административного характера, и термины заимствовались, главным образом, из немецкого: *бухгалтер, контракт, нотариус, ордер, ранг, формуляр, штраф*. В то же время закреплялись слова, вошедшие в русский несколько раньше (в основном в XVII веке), например: *агент, апелляция, бурмистр, губернатор (владелец), канцлер, канцелярия (приказ), комиссар, конституция (установление), парламент, ратман (советник), секретарь (тайных дел писарь), сенатор*.

Возникавшие параллельно русским словам иноземные лексемы, выступившие в качестве синонимов и наполненные дополнительными смысловыми оттенками, разнообразили восприятие известных явлений и открывали новые возможности словоупотребления. Например: *правитель – администратор, надзиратель – инспектор, владелец – президент, выслушивание – аудиенция, посещение – визит, повеление – декрет, советники – сенат*. Кроме того, конкурируя с исконно русскими (или же древними заимствованиями), иностранные лексемы обретали терминологический статус, тогда как семантика их эквивалентов могла меняться за счёт сужения или расширения значений. Они отходили в разряд нейтральной лексики или же полностью вытеснялись и утрачивались, ср.: *дщица – табель, объявление – манифест, товарищ – коллега, повеление – декрет, правда – юстиция, дума – консилиум, устройство – инструкция, письма – патенты*. Среди них могли встречаться слова, которые можно

относить к абсолютным синонимам и которые до сих пор «конкурируют» друг с другом, как, например, *гарант* и *поручитель*.

Очевиден факт, что в сфере политическо-административной терминологии большинство заимствований сохранялись в том или ином употреблении (иногда со сменой значения) до Первой мировой войны, в результате которой Латвия обрела независимость.

Следующим историческим этапом повсеместного использования русского в Латвии стал период, когда она входила в состав СССР. Русский язык, являясь языком межнационального общения, стал также официальным языком делопроизводства.

Если говорить о состоянии русского языка в ЛР в настоящее время, то здесь обращают на себя внимание те особенности, которые отличают его от языка метрополии.

Что же на сегодня представляет собой «местная разновидность» русского?

#### СОВРЕМЕННОСТЬ

Рубеж XX и XXI веков – один из самых динамичных и сложных этапов в развитии русского и на территории метрополии и за рубежом. Его отличительной чертой является тенденция к деструкции устоявшихся стереотипов.

В то же время необходимо учитывать, что периоды социальных катаклизмов характеризуются высокودинамическим типом эволюции языковой системы. В нашем понимании это напрямую связано с расширением словарного запаса языка, в том числе за счёт заимствований, активно проникающих в речь. По интенсивности нововведений наше время вполне можно сравнить с временами Петра Великого. К тому же, начиная с 90-х прошлого века, многие «петровские заимствования» обрели «вторую жизнь» и вновь стали использоваться в деловой речи новейшего времени.

В целом, новая **лексика** русскоговорящих латвийцев формируются под влиянием, с одной стороны, латышского, с другой – и в последнее время в более значительной степени – под влиянием английского, который интенсивно внедряется также в латышскую речь. Это явление получило повсеместное распространение вначале благодаря Интернету и американской поп-культуре, транслирующейся по всем ТВ-каналам. Следующая волна активности проникновения англицизмов в языки Латвии связана с её вступлением в ЕС, где английский широко используется в качестве языка межнационального общения.

Отличительной особенностью современной речи русскоговорящих латвийцев является её «деловитость».

Хотя в сегодняшней Латвии сфера использования документов, составленных на русском языке, официально ограничена, тем не менее они фигурируют в бизнесе (составление договоров, актов и проч., например, для совместных российско-латвийских предприятий) и в юриспруденции (завещания, объяснительные, заявления и проч.), но возможна также внутренняя переписка, например, в частном учреждении. Кроме того, изложение материала в рамках некоторых рубрик, освещающих проблемы в мире

бизнеса и финансов, в русских или двуязычных изданиях (например, «Вести сегодня», «Панорама»), предполагает его подачу на русском литературном языке в формате делового стиля. Очевидно, что деловая речь не является исключительно принадлежностью книжного стиля: она давно стала составляющим элементом нашей повседневности и при поддержке СМИ активно внедряется в разговорный язык. В последнее время в разговорах о делах постоянно обсуждаются насущные экономические проблемы с повсеместным использованием соответствующей терминологии. Такие слова, как: *бэк-офис*, *брокер*, *декларирование*, *дефляция*, *дивиденд*, *дилер*, *инфляция*, *кредит*, *лицензия*, *рефинансирование*, *ризлтер*, *трэст*, *франчайзинг*, *холдинг* и т.п. – не воспринимаются в качестве «представителей» книжного стиля. Более того, без использования «бизнес-терминологии» практически не обходится ни один современный российский детектив. Книги в мягких обложках охотно раскупаются местными русскоговорящими жителями, хотя среди этих «произведений искусства» только редкие написаны хорошим литературным языком. В то же время, чтобы понять суть повествования лихо закрученных сюжетов, например, *с трастовыми операциями представителей холдинг-компаний*, порой приходится обращаться к экономическому словарю. Реальность такова, что «межгосударственный» бизнес стал одним из самых распространённых занятий в Латвии благодаря её статусу страны-транзита. Как следствие, проникающие в результате международных контактов иноязычные термины и появляющиеся «нововведения» расширяют возможности делового языка в ЛР.

Однако, по имеющимся наблюдениям, повсеместное использование распространённых «деловых терминов», приводит как бы к бытовому их восприятию и снижению значимости, а в итоге – к небрежному оформлению делового текста. Также неверное восприятие некоторых лексем, возможно, связано с отсутствием их семантической прозрачности, особенно когда это касается заимствований. Помимо этого, не исключено влияние так называемых «местных условий» на особенности толкования не только терминов, но и на общее состояние русского языка в Латвии.

Во время присутствий на судах в качестве лингвиста-эксперта, автору данной статьи приходилось сталкиваться с фактами **подмены** ответчиками **понятий**, что в итоге приводило их на скамью подсудимых. В качестве иллюстрации к данной проблеме может послужить пример обращений и призывов, проводимых одним из «борцов за справедливость» через Интернет, противостоять «политике, проводимой Латвийской Республикой» в отношении, в частности, русских школ. Пришлось столкнуться со столь резким комментарием в адрес Латвийской Республики, что он был воспринят местными органами безопасности как призыв свергнуть правительство, т. е. как бы представлял угрозу существующему строю. Автора «призывов» (позиционирующего себя в качестве журналиста) привлекли к юридической ответственности. В качестве экспертов-текстологов были приглашены известные в Латвии учёные, которые посчитали недопустимыми столь резкие высказывания и сравнения, что влекло за собой тяжкие последствия для упомянутого лица. Однако при дополнительном подробном рассмотрении дела другими специалистами

было отмечено, что произошла подмена понятий: правящая элита ошибочно отождествлялась с Латвийской Республикой. Иными словами, вышеназванное лицо, поддавшись собственным эмоциям, или же полностью не осознавало понятийную суть приведённых им сопоставлений, или же, давая оценку происходящему в Латвийской Республике, намеренно сгущая краски и смещая аспекты, «гиперболизировало» характеристики раскритикованного объекта.

Это лишь подтверждает мысль, что **неточная интерпретация способна породить неверное восприятие** некоторых высказываний.

Особенно это касается рекламных текстов (типа: *не существует аналогов нашему продукту*), в связи с чем конкурирующим фирмам приходится разбираться между собою опять же с помощью юристов. Однако проблема, с которой наиболее часто приходится сталкиваться, это, как было сказано выше, недопонимание значений терминов. Данное явление, с одной стороны, возможно объяснить их семантической непрозрачностью, особенно когда это касается заимствований, пускай и давних. Кроме того, повсеместное использование распространённых однокоренных слов (например, *гарант* и *гарантия*, *гарантировать*, *гарантийный*, *гарантированный*) может послужить подкрепляющим фактором бытового их восприятия в случаях не владения юридической терминологией. В результате чего у отдельных лиц вполне может возникнуть собственная интерпретация термина.

Далеко не единичные случаи неточного и даже неверного восприятия терминов, насыщающих нашу современность, побуждают обратить более пристальное внимание на вопросы, касающиеся общего состояния современного русского языка на территории Латвии в плане **соблюдения языковых норм**.

Если коснуться **отклонений от лексической нормы**, то их можно отнести к «своеобразиям» местного русского языка, возникающим под воздействием латышского или/и английского языков. Например, наиболее заметные случаи неверного словоупотребления: *конт* (*konts* – лат.) вм. *счёт*; *кома* (*koma* – лат.) вм. *запятая* (речь идёт о десятичных дробях, например, *пять, кома шесть* – 5,6 – вм. *пять целых, шесть десятых*); *отдел персонала* (*personāla daļa* – лат.) вм. *отдел кадров*; *персона* (*persona* – лат.) вм. *лицо* (юридическое или физическое); *регула* (*regula* – лат.) вм. *норматив* (речь идёт о документах ЕС); (высшая) *школа* (*augstskola* – лат.) вм. *вуз*. Как видно из примеров, «латышские» слова сами нередко являются заимствованиями.

На **семантическом** уровне, где главную роль играет значение слова, чаще всего встречаются ошибки, связанные с нарушением сочетаемости слов, т. е. составляются нелогичные по своей сути выражения. Например, *количество сузилось*, *рассказать поглубже*, *водитель был повреждён*, *произвело влияние*, *обострились диспропорции* и т. д.

В **стилистическом** отношении речь русскоязычных латвийцев представляется более «сдержанной» или не столь красочно-эмоциональной, т. е. в известной мере лишенной экспрессии и сравнительно-оценочных характеристик по сравнению с жителями в метрополии. Этому тоже можно найти обоснование: для латышского языка в

большей степени присущи краткость и конкретность при изложении, что не могло не отразиться на речи местных русских.

Объяснение самого факта «описательности» русской речи складывается из рассмотрения многих параметров и их отдельных составляющих, что требует отдельного монументального исследования. Поэтому в качестве примера можно привести лишь один из наиболее заметных аспектов, затрагивающий, в первую очередь, словообразовательные возможности аффиксального и транспозитивного свойства. Здесь следует говорить о широком спектре возможностей, заложенных в именной системе русского языка. По-русски можно сказать *латыши*, *русские* (национальность) и *латвийцы* и *россияне* (жители соответствующих государств), т. е. *жители Латвии* и *России*. В латышском языке при обозначении жителей соответствующих государств возможно использовать только второй вариант, т. е. словосочетание.

Определённым образом «стилистический аскетизм» можно связать со сдержанным употреблением прилагательных (в предложении – определений) под влиянием языка с менее развитой адъективной системой. Особенно это касается относительных и притяжательных прилагательных. Например, аналогом словосочетаниям с прилагательными *стеклянный*, *серебряный*, *деревянный* выступает конструкция, в которой функцию определения выполняет находящееся в препозиции имя существительное в генетиве (т. н. родительный-определятельный), типа: *ваза из стекла* (*stikla vāze*), *ложка из серебра* (*sudraba karote*), *стол из дерева* (*koka galds*). К примеру, прилагательные *земельный*, *земляной*, *землистый* переводятся тоже только генетивом *zemes* (Р. п. от *земля*), типа, *земельный участок* – *участок земли* > *zemes gabals*. Отсюда сужаются транспозитивные возможности прилагательных в латышском языке по сравнению с русским, где допустим переход соответствующих относительных и притяжательных прилагательных в разряд качественных, придающих «сочность» высказыванию. Например, словосочетание *оловянные глаза* (о человеке) на латышском можно передать только описательно – *глаза как из олова* (*kā alvas acis*) – в противном случае это будет воспринято не в переносном, а в буквальном смысле.

При составлении цельного текста наблюдается нарушение норм, относящихся к **морфологическому и синтаксическому уровням**. Приведём некоторые характерные примеры. В первую очередь, бросается в глаза недопустимое с позиций литературного языка употребление предложно-падежных сочетаний по латышскому образцу. Большое распространение имеют «падежные игры» между дательным и родительным: в частности, ошибочная замена одного другим, как правило, родительного дательным. Например: *мне нет времени* (*man nav laika*) вместо *у меня нет времени*; *им отнимают* (*viņiem atņem*) вместо *у них отнимают*; *Вам болит голова?* (*Jums sāp galva?*) вместо *у Вас болит голова?*; *мне дошло!* (*man pieleca!*) вместо *до меня дошло!* – и многие им подобные. Реже встречается подмена родительного дательным – *была к доктору* (*bija pie daktera*) вместо *была у доктора*, что, вероятно, подкреплено одинаковой в русском и латышском конструкцией *сходила к доктору* (*aizgāja pie daktera*).



Что касается расстановки **знаков препинания**, то, скорее всего, следует говорить об их отсутствии – о них просто забывают. В лучшем случае, ставится запятая перед *что*. Можно сказать, что соблюдение синтаксических норм игнорируется. Уже не является редкостью построение предложений подобно латышскому образцу. В качестве примера приведём начало предложения делового письма (напоминающего древнерусскую грамоту): *2009 года в мае месяце жильцы дома...*

Графика и орфография... Примеры скажут сами за себя: *Египед, здравствуйте, пресс\_конференция, пресс\_релиз, это, экзамен*. Если два первых случая ещё можно отнести к ошибкам по незнанию или невниманию, то графическое оформление остальных (из-за частотности подобных написаний) похоже свидетельствует о наметившейся тенденции не употребления *дефиса* и вытеснения «э» *оборотного*.

Особенности произношения (фонетический уровень) не находят отражения на письме, поэтому их сложнее фиксировать в качестве доказательств речевых ошибок. Но для полноты картины, отображающей русскую речь латвийцев, можно привести лишь некоторые положения, касающиеся нарушений по отношению к **произносительной норме**. Во-первых, наблюдается неправильная постановка ударения: обычно оно перемещается на первый слог, как в латышском. Особенно это заметно, когда произносятся имена собственные и их производные *Елгава, Варвара, латгальский; договор, возница, отчасти*. Ощутима «растянутость» гласных под влиянием дифтонгов и долгих гласных латышского языка. Отмечается незначительное «отверждение» некоторых согласных «на латышский манер» перед гласными, обозначаемыми в русской письменности «йотированными» графемами (т.е. буквами *е, ё, ю, я и и*). Например, фамилия *Диманте* произносится с «более твёрдыми» *д* и *т* (типа *Дымантэ*).

Автор статьи с сожалением должен признать, что многие примеры были «заимствованы» из радиопередач и из письменных работ учащихся вузов и выпускников школ.

Возникает вопрос о первопричинах **несоблюдения литературной нормы** среди людей, которых никак нельзя отнести к безграмотным. Не хотелось бы отнести это к реликтам прошлого, когда в древнерусских письменах (с которыми автору статьи приходилось работать) родительный и дательный нередко бывали взаимозаменяемы, запятые и дефисы отсутствовали, а нормы орфографии ещё не устоялись. В те далёкие времена ещё ничего не знали о школьной программе...

Сегодняшняя реальность такова, что грамотные в языковом отношении люди встречаются, в основном, среди людей старшего и среднего поколения, это те, кто учился в школе ещё в прошлом веке. Вспомним: для поступления в вуз обязательным условием была сдача вступительных экзаменов, одним из которых было написание сочинения. «Скачать» его из Интернета в те времена не представлялось возможным. Приходилось читать, готовиться или писать шпаргалки на правильном русском языке. Среди современной молодёжи, как правило, владеют грамотой выпускники школ с гуманитарным уклоном, где изучению языков отводится значительное место в программе. Для

сравнения: в одной из русских школ с гуманитарным уклоном в 8 классе на латышский отводится 5 занятий в неделю, на немецкий – 4, на русский – 3 плюс 2 занятия на русскую литературу. В обычной русской школе (т. е. с негуманитарным уклоном) на русский язык и литературу пока отводится то же самое количество часов, т. е. 5. Однако, со следующего года в старших классах предполагается сокращение с 5 часов на 4. Это одна сторона медали. А другая показывает, что во многих школах родители, обеспокоенные будущим своих детей в плане трудоустройства и конкурентоспособности, доплачивают за дополнительные часы на преподавание латышского и английского, таким образом увеличивая их количество по сравнению с русским.

Некоторые отправляют своих детей на курсы для более углублённого изучения этих языков. В итоге, учителя-русисты бывают менее мотивированы творчески (а не только опираясь на материалы учебников, часть из которых требует определённой доработки) и с повышенной ответственностью относиться к своим обязанностям. И наоборот, помимо дополнительной оплаты, стимулом для преподавателей английского и латышского хорошо выполнять свою работу является знание того, что их предметы включены в список обязательных на выпускных экзаменах. В результате, не редкостью бывают случаи, когда выпускники русских школ сдают экзамены по английскому и латышскому лучше, чем по родному языку.

У значительной части учителей русских школ вызывает сомнение целесообразность билингвального обучения. Однако этот вопрос требует серьёзного исследования.

Исходя из сказанного, можно предположить, что престиж учителя-русиста падает по сравнению с преподавателями ряда других предметов, а это, в свою очередь, может вызвать более формальное отношение к своим обязанностям, принимая во внимание также и невысокую оплату за столь нелёгкий труд.

Справедливости ради надо отметить, что проблемная ситуация с овладением литературными нормами складывается не только в русских школах: преподаватели латышских школ также говорят о снижении грамотности. Упор делается на изучение английского. Для сравнения: в одной из школ с гуманитарным уклоном в выпускном классе на преподавание латышского отводится 3 часа плюс 2 часа на латышскую литературу, тогда как на преподавание английского – 5 часов плюс 2 часа на английскую литературу!

Пожалуй, можно говорить также об общих причинах, вызывающих многочисленные языковые ошибки у тех, кто не учился в школе с гуманитарным уклоном. Большинство винит Интернет – молодёжь совсем перестала читать и нормально писать. Что, к примеру, стоит «создать» сочинение, курсовую, реферат или даже дипломную работу? Посидеть день-два у компьютера... «Подспорьем» отходу от литературных норм служит мобильный телефон, точнее, способ написания сообщений: используются разные приёмы сокращённого письма и особый сленг. Помимо этого, большинство транслируемых шоу-передач и фильмов, интересных молодёжи, с трудом можно назвать интеллектуальными или высокохудожественными.

В связи с изложенным как обычно возникают извечно

«русские вопросы»: что делать и кто виноват? Но поскольку обширность спектра проблем, связанных со вторым вопросом, касается не только лингвистов, он комментировать не будет. Что же относится к первому вопросу, то, очевидно, давным-давно уже возникла серьёзная необходимость пересмотра учебных программ в пользу увеличения количества часов на преподавание русского языка (что уже неоднократно обсуждалось учителями-русистами) и расширения диапазона возможностей его постижения вне урока: это кружки, семинары, факультативы, культурные мероприятия, сотрудничество с российскими школами и вузами и т.д. Кроме того, не помешала бы коррекция отдельных тем некоторых местных учебников. Здесь, пожалуй, можно было бы создавать специальные проекты, привлекая финансы из соответствующих европейских фондов. Однако, всё это потребует большей активности со стороны педагогов и работников культуры, а также поддержки со стороны соответствующих министерств обеих стран. У тех, кто в школе уже не учится, интерес могли бы вызвать теле- и радиопередачи, которые способны привлечь интересными фактами из истории языка и порадовать почитателей русской словесности. Без всякого сомнения, были бы полезны передачи, отражающие современное состояние развития языка и ориентированные на «актуальную» терминологию в самых различных сферах (юриспруденция, финансы, здравоохранение, спорт и т.д.), которая в значительной мере заимствована из английского и, активно употребляясь, продолжает стремительно пополняться, не успевая «фиксироваться» словарями. Почему бы не разъяснять значение таких слов, как *бонд*, *опция* (*опцион*), *фьючер*, *кастинг* или *фандрайзинг*? Им подобные термины активно внедряются в нашу речь, зачастую вытесняя отечественную лексику: *жизнеописание* сменилось на *биографию*, а в последние десятилетия – на краткое CV (из латинского *curriculum vitae*)... А сколько новообразований в русском языке от коротенького PR – *паблик рилейшнз*, заменяющего словосочетание *общественные отношения*? *Чёрный пиар*, *самопиар*, *пиарщик*, *пиар-кампания*, *пиаровский*... Происходит интенсивное насыщение языка новыми заимствованиями, за которыми нередко стоят новые понятия – необходимый инструментарий в современной жизни. Поэтому так ли уж и плохо обогащать язык заимствованиями? С другой стороны, реальность такова, что с помощью лишь призывов сложно остановить поток интернационализмов, проникающих в нашу повседневность. Одним из решений этой проблемы могло бы быть создание рубрик в СМИ, типа, «Новый словарь».

## ВЫВОДЫ

Исследование состояния русского языка в Латвии позволяет высказать предположение о намечающейся тенденции формирования одной из разновидностей русского языка Прибалтики (условно обозначим его как «латвийский русский»), который рано ещё назвать диалектом, но в дальнейшем не исключена и такая возможность. Общий «прибалтийский диалект» русского языка вряд ли сформируется, поскольку в каждой из трёх стран – Латвии, Литве и Эстонии – имеются свои характер-

ные особенности, связанные не только с влиянием местного языка на русский, но и особенности, возникающие под воздействием языков приграничных славянских государств. Например, в восточных районах Литвы и Латвии ощутимо влияние белорусского, кроме того, в Литве не последнюю роль играет польский.

Сегодня происходит интенсивное насыщение языков заимствованиями (интернационализмами), которые не только соперничают с исконной лексикой, но за которыми нередко стоят новые понятия современной жизни. Эта тенденция отмечается как перспективная. Современное состояние делового языка напоминает петровскую эпоху. Поэтому, возможно, нелишне проявить толерантность к нововведениям, обогащающим русскую речь.

В целом, нововведения в лексике русскоговорящих латвийцев формируются под влиянием, с одной стороны, латышского, с другой – и в последнее время в более значительной степени – под влиянием английского, который интенсивно внедряется и в латышскую деловую речь, оказывая «двойное воздействие» на русский. Это явление получило повсеместное распространение вначале благодаря Интернету и американским кинолентам, транслирующимся по всем ТВ-каналам. Очередная волна активности проникновения английских заимствований на территорию Латвии была связана с недавним её вступлением в ЕС. Кроме того, важную роль сыграл факт увеличения количества часов на преподавание английского в учебных заведениях, а также его интенсивное изучение на курсах взрослым населением по известным соображениям прагматичного характера или же в связи с профессиональной необходимостью (например, это касается полицейских, чиновников и других госслужащих).

Учитывая влияние внешних и внутренних факторов на общее состояние русского языка в современной Латвии, следует отметить повсеместное отклонение от литературных норм на всех языковых уровнях. Из этого можно заключить, что постепенно происходит утрата «языкового чутья», чему причиной:

- не столько географическая отдалённость, сколько социальная оторванность от «метрополии», т.е. от основных центров русской культуры и науки (значительная часть молодёжи видела Россию только по телевизору);
- закрепление за русским языком статуса языка нацменьшинств, т.е. языка бытового общения, и, в результате, основное его использование именно в этом качестве;
- исключение русского языка из официального употребления и утрата им статуса языка делопроизводства (но, несмотря на этот факт, в полиции и судах могут фигурировать письменно составленные документы на русском языке – объяснительные, завещания и т.д.);
- повсеместное сокращение употребления русского языка в повседневном общении (на рабочих местах и в высших учебных заведениях);
- недостаточное количество часов, отведённых на преподавание русского языка, в школах и, возможно, билингвальное обучение.

В результате «латвийский русский» язык имеет свои особенности словоупотребления в сравнении с языком метрополии. Нередкие случаи подмены понятий и неправильной интерпретации терминов, нарушение граммати-

ческих норм и норм произношения побуждают обратить более пристальное внимание на вопросы, в первую очередь, касающиеся преподавания русского языка, а также создания облегчающих условий (например, льготный визовый режим), которые дадут возможность учащейся молодёжи посещать центры русской культуры Российской Федерации.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С древних времён латвийские земли входили в круг экономических и политических интересов соседних стран, что неизбежно приводило к возникновению между ними непосредственных и продолжительных контактов. В ходе насыщенной событиями истории развивался, менялся и обретал свои особенности русский язык на территории Латвии. Кроме того, под воздействием внешних и внутренних факторов в стране также менялась языковая ситуация. Например, в статусе официального языка на латвийской земле в разное время использовались русский, немецкий и латышский. Последний, вновь обрёл статус государственного в конце прошлого века. Для современной Латвии характерно активное использование в основном трёх языков: латышского, русского и английского.

## Литература

- Васюкова И. А. Словарь иностранных слов. – Москва: АСТ-Пресс, 1998.
- Краткий словарь современных понятий и терминов /Н. Т. Бунилович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др. сост.; общ. ред. В. А. Макаренко. – Москва: Республика, 2000.
- Словарь иностранных слов. – Москва: Рус. яз., 1985.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. – Москва: Русский язык, 1981–1984.
- Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / РАН. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Рус. яз. Издаётся с 1991 г.
- Словарь современного русского литературного языка. – М. – Л.: АН СССР, Институт русского языка, 1948–1965.
- Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Складчиковской. – Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковской. Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- Moscovitica-Ruthenica XYI – XYII g. s. LVVA, Fonds N8, Apraksts N4, Lietas N 6 – 24.
- Dimante, I. *Altrssische Sprachdenkmaler im Historischen Staatsarchiv Lettlands und Perspektiven ihrer Linguistischen Erforschung* // Beitrage zur Geschichte der deutschen Sprache im Baltikum (herausgegeben von Gisela Brandt). – Stuttgart, 1996. S. 99-104.
- T. Zeids. Senākie rakstītie Latvijas vēstres avoti (līdz 1800. gadam). Rīga: „Zvaigzne”, 1992.
- Боголюбова, Н. Д., Таубенберг, Л. И. *О древнерусских памятниках XIII–XIV в.в. Рижского городского архива* // Учёные записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки; Том XXXVI; Вып. 6 А. – Рига, 1960. с. 7 – 22.
- Горшков, А. И. История русского литературного языка. М: «Высшая школа», 1969.
- Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – Москва, 2000. С. 304.
- Диманте, И. *Русский язык на территории Латвии: деловой аспект или язык документа*. // VALODA – 2007. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XVII. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akademiskais apgāds “Saule”, 2007. 317. – 323. lpp.
- Ефимов, А. И. История русского литературного языка. Курс лекций. Издательство Московского Университета. Москва, 1954.
- Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть первая (3-е издание). – Москва, 1999.
- Семёнова, М. Ф. *Из истории языковых взаимоотношений в городе Риге* // Контакты латышского языка. – Рига, 1977. С. 192 – 214.